

КЛЕТКА ТЕСНЕЕ ГРУДНОЙ

КОНСТАНТИН
ИГНАТОВ

16+

Константин Евгеньевич Игнатов

Клетка теснее грудной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55734304

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05902-3

Аннотация

Время, столь же далекое от настоящего, сколь и близкое к нему. Молодые женщины приезжают в Москву и обнаруживают, что там происходит нечто странное. По слухам, городом теперь управляют таинственные комитеты, которые контролируют все области жизни людей, даже их сны. Но что может сделать человека свободным и счастливым? Только настоящая любовь!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пролог

Москва. Огромная рыночная площадь. Время, столь же далекое от настоящего, сколь и близкое к нему.

Вечерний закат догорает мелкими осколками осеннего неба, по всему ярко-оранжевому куполу клубятся легкие, словно перышко, багровые тучи. Ни ленивого дуновения ветерка, ни усталого хлопанья птичьих крыльев, ни свирепого автомобильного рева – ничего этого нет, город купается в тихом, уединенном блаженстве, и каждая улочка нежится в лучах заходящего солнца. Этой безмятежности мешает только неприятный шум, доносящийся с рыночной площади. Сотни грубых голосов, будто бы стремящихся облететь пространство и подпрыгнуть до уровня облаков, сливаются в единый гул, бойко растекающийся по всем углам. Сегодня суббота – время крупных ставок, потерь, наслаждения и азартных торгов. Последние, впрочем, также повинуются вечерней лени, нехотя отпуская городских жителей к замершим от ожидания циферблатам часов да нелепым витринным отражениям.

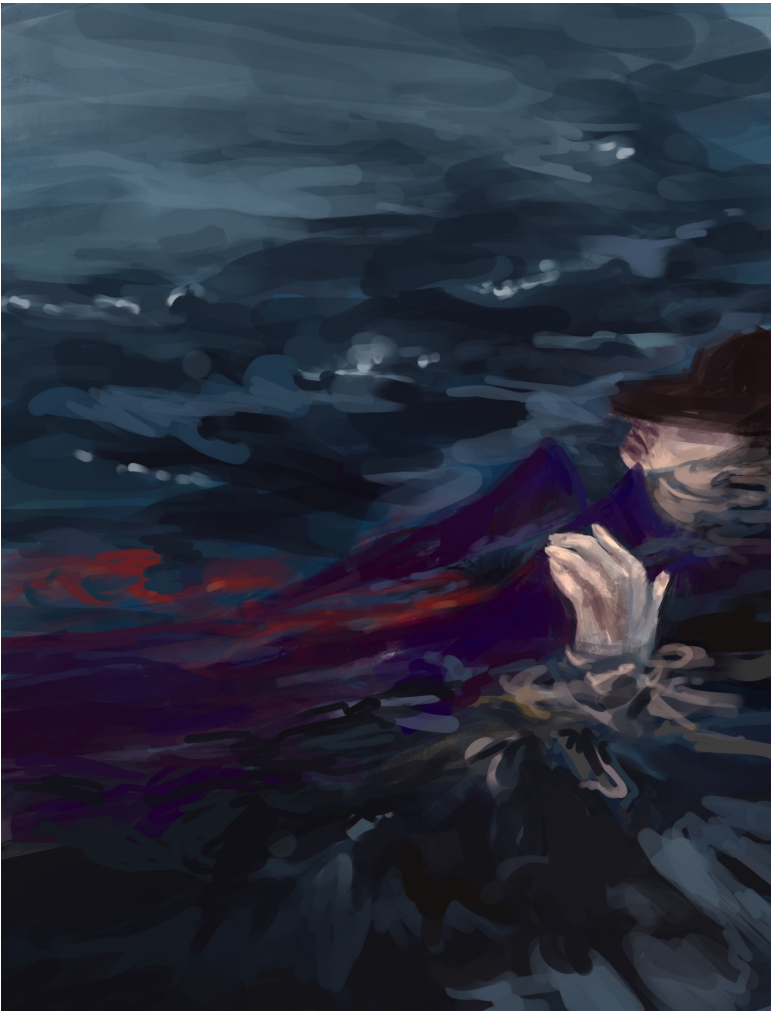
Рынок полон красок, звуков и хруста купюр. Здесь царит страшная бедность, и даже отчаяние – вечный ее спутник – замерло в страхе быть задушенным истошными воплями, доносящимися из каждой будки. Все бурлит, и кажется, что в этом месте ни одна деталь не может существовать отдель-

но, сама по себе – они дополняют друг друга, в итоге рождая страшное чудовище людских надежд. Бледный и болезненно худой мальчик лет десяти, робко стоящий у кованой загородки, с испугом смотрит на пухлого мужчину у мясных развалов; тучный потный старик сидит на лавочке, торгуя новыми сапогами; напротив – пожилая женщина в ситцевом платочке и с иконкой на шее, сгорбившись так, что ее почти не видно за столом с небрежно раскинутыми льняными скатертями, что-то нашептывает себе под нос, то поднимая, то опуская голову. Только раз посмотрев ей в лицо, сильно изрезанное морщинами и испещренное ямками, можно заметить страшный пустой взгляд, говорящий о давно смиренной гордости и нынешнем полубезумии. Но вдруг женщина замерла и уставилась куда-то вдаль, в сторону моста. Ее глаза раскрылись насколько это возможно, морщинистое лицо превратилось в застывшую маску ужаса, а кажущиеся синими из-за проступающих вен дряхлые руки внезапно задрожали и начали описывать в воздухе крест. Она упала на скользкую брусчатку, поднялась на колени, сухие серые губы налились кровью и заалели, невольно испуская странные панические крики. Старушка сорвала платок, скомкала его, оголив наполовину лысую голову, и наконец издаваемые ею безудержные вопли сформировались в две разборчивые фразы, выкрикиваемые попеременно. «Боже, спаси!», – кричала она, крестясь, и, после недолгой паузы: «О, черт!». Один за другим люди, собравшиеся на площади, также начали всматри-

ваться в точку, куда впились глазами старушка-текстильщица, и увиденное отражалось на каждом: кто-то взывал к богу с молитвами, кто-то делал попытки убежать, но каменел от испуга, кто-то размахивал руками и толкал остальных. А там, куда вскоре было обращено внимание всей площади, в самом центре поднимавшегося над рекой моста, стоял закутанный в синий плащ человек. Никто не мог разглядеть его лица или рук – все тело было скрыто этой мантией, которую дополняла черная шляпа на голове. Человек постоял на мосту несколько секунд, а затем, широко раскинув руки, склонился в сторону речной глади и камнем упал вниз. Громкий всплеск вывел людей из оцепенения, толпа ринулась к мосту. Кто-то вглядывался в воду, кто-то закрывал рукой глаза детям, а кто-то сочувственно всхлипывал. Надежды одних и предвкушения других не оправдались – человек в синем плаще не всплыл.

Быстро приехали люди в погонах, приказали всем расступиться и не беспокоиться. Однако немногие еще какое-то время оставались на площади, обсуждая друг с другом детали происшествия. Но вскоре все разошлись по своим делам, а в небе наконец погас красный язык заката и сомкнулась седая тьма наступившей ночи. Конечно же, вечернее событие нашло широкое отражение в утренних газетах и живо обсуждалось горожанами за чашкой кофе. Еще более пристальное внимание к случившемуся было привлечено тем, что через день тело того самого человека в синем плаще бы-

ло обнаружено в трех километрах от моста, вниз по течению реки. И все бы походило на обычный городской инцидент, и в рассказе можно было бы поставить точку, если бы не очень странный факт: у найденного тела отсутствовало лицо – и гладкая плоть на его месте позволяла думать, что его никогда и не было, – а в грудной клетке, там, где ранее располагалась сердечная мышца, зияла кровавая дыра.

Глава 1

Поезд. Конечная станция – Москва.

За окном шел дождь, его капли медленно стекали по запотевшему стеклу, подрагивая на стыках стальных вен железнодорожной сети. Плакала глубокая ночь, и барабанный ритм, раздававшийся, казалось, со всех сторон, пел свои признания глухой темноте. Грохот. Повсюду стоял грохот. Рассчитанное на четверых старое неуютное купе, всецело пропахшее сыростью, сейчас словно сжалось до размеров двух сердец, что стучали в нем в такт окружающему шуму. Но вот одно из тихих биений стало выделяться, послышалось учащенное дыхание, а лицо женщины, даже в ночи бросавшееся в глаза бледностью и тонкостью черт, покрылось нервной испариной и слегка заблестело.

Ее звали Кира. Тридцати восьми лет, невысокая и очень худая, с сухой кожей, синеватой на длинных тонких руках и мягкой подтянутой у лица, не образующей, однако, ни единой морщинки или складки, намекавших бы о мимолетности молодости. Хотя Кира обладала некоторой привлекательностью, и, безусловно, способна была расположить малознакомого человека к себе, назвать ее красивой мешала противоречивость облика: взерошенные в подобие прически темные волосы, острый прямой нос, бледные чуть поджатые губы, неправильной формы брови, и, наконец, маленькие зеле-

ные глаза, единожды посмотрев в которые вы не захотите это повторить, но взгляд запомните надолго – тяжелый, прямой, смелый, будто пронзающий насквозь, он, очевидно, вобрал в себя абсолютно всю печаль, всю любовь, все отчаяние и безмерное одиночество.

Ей снился сон. Посреди огромной светлой комнаты стояло овальное зеркало, накрытое черной тканью. Кира подбежала к нему и, стянув материю, увидела себя да несколько размытых силуэтов людей в белых промокших одеяниях. Только по туманным очертаниям корчащихся от боли лиц она догадалась, что это – ее родители и сестра-близнец, погибшие год назад в одной машине, случайно врезавшейся в мост из-за грозового ливня.

Теперь в дождливую погоду, с наступлением ночи, когда темнота за окном становится такой густой, что, кажется, до нее можно дотронуться, они навещают ее во снах.

Кира проснулась и резко вскочила с постели, с ее лба стекали капельки пота, а глаза широко раскрылись. Она посмотрела в окно. Шел ливень, издали доносились громовые раскаты. Поезд проезжал какую-то старенькую деревеньку, картинка за стеклом все время менялась.

– Опять не спится? – слышался звонкий женский голос с другой стороны купе.

Кира повернулась и, еле шевеля губами, тихо ответила:

– Опять сестра. Опять я вижу ее глаза, такие холодные – куски льда.

Она потеряла предплечья, словно холод охватил и ее саму. Соседка привстала, обнажив красивые ноги, и надела легкие матерчатые тапочки. Затем она слегка подвинулась, и ее окутал нежный пшеничный свет, лившийся в окно от покосившегося фонаря на станции. Лицо этой женщины было строгим и аскетичным и, в тоже время, по-особенному пленительным. Выступающие подтянутые скулы придавали ему форму удлиненного овала, внося некую загадку в утонченный образ, большие карие глаза казались несколько выпученными, на деле же этот эффект создавался за счет игры света и тени, и, как только лицо Офы (так звали женщину) вновь оказалось в полумраке, в глаза вернулись живая бойкость и вдумчивая глубина, ранее отнятые лучистым сиянием. Палево-соломенные волнистые волосы, которые она уби-рала в казавшуюся тяжелой старомодную прическу, сейчас, после ночного пробуждения, легко развевались от залетавшего в приоткрытое окно ветерка. Этот облик излучал едва уловимое ощущение сиюминутности, обостряющееся при взгляде на фотографию в нашейном кулоне, где Офе едва исполнилось двадцать, и каждая частичка ее тела была наполнена неподдельной и беспокойной радостью, означавшей обыкновенное счастье – просто жить.

Сидя на краю полки, свесив ноги и мило покачивая головой, Офа посмотрела на Киру. Та искала, за что бы зацепиться обезумевшим взглядом, но не нашла, и тогда она начала метаться по купе взад-вперед, как раненый дикий зверь,

которого вот-вот загрызет охотничья собака. Она то закрывала, то вновь открывала окно, чувствуя катастрофическую нехватку воздуха, а, возможно, и простора. Все это Кира прodelывала молча, только временами неожиданно оборачиваясь к Офе, будто пытаясь что-то сказать: ее глаза выражали какой-то негласный вопрос, уголки губ неловко дергались в слабой попытке нарушить тишину... Но собраться с мыслями никак не получалось.

– Это несправедливо, – вдруг сказала она, внезапно остановившись, – почему мы должны туда ехать? Я... – Кира опустила глаза и слегка замялась, но затем резко выпрямилась и гордо произнесла: – Я не хочу с ним жить.

Офа внимательно смотрела на нее в томительном ожидании.

– Ты не можешь так говорить, это недопустимо, – холодно отозвалась она после паузы.

– Недопустимо? – Кира закричала так, как будто только и ждала момента сделать это. – Неужели ты не понимаешь: я ему не нужна, он не любит меня, даже не жалеет – сестру, но не меня!

В действительности ей было страшно, и в глазах показались огромные капли слез. Оказавшись заложницей тени погибшей сестры, ей пришлось страдать из-за слишком явной их внешней схожести. Пять лет назад ее сестра, Лара, вышла замуж за одного политического деятеля из провинциального городка – тучного мужчину с огромным носом, маленьки-

ми круглыми глазками, залысиной на вечно потном затылке, и с никогда не переводящимся в левом кармане брюк запахом крохотных мятных леденцов, которые он любил посасывать в минуты переживаний. Звали его Иваном Андреевичем – крайне нервный человек, обожавший все перепроверять по двадцать раз, суетиться и постоянно вытирать проступивший на лбу пот тоненьким кружевным платочком, доставшемся ему от матери. Любовь Ванюши (таким противным словом, похожим на кличку, даваемую поросенку, его называла жена) к Ларе была безмерной, хотя скорее это можно назвать страстью, ибо любовь – желание отдавать, а он хотел только получать. Лара же его любила, любила по-настоящему. Несмотря на предполагавшие мелочность и скупость внешние данные, Иван Андреевич был весьма интеллигентным человеком, из семьи известных в городе врачей. Он получил неплохое образование, знал два языка, читал старые тексты на латыни, обожал прозу, особенно философскую, хотя терпеть не мог стихов. Его мозг имел удивительную способность: безупречно воспринимать новую информацию из разных сфер жизни, будь то наука или искусство, кулинария или мода, но вот обработать материал, создать что-то свое, выдать новую мысль – этого он себе позволить, к сожалению, не мог. Впрочем, чтобы произвести эффект на людей, сохранить их внимание к себе на протяжении вечера, и даже для поддержания романтического разговора с девушками имеющихся данных хватало вполне. Лара потому и по-

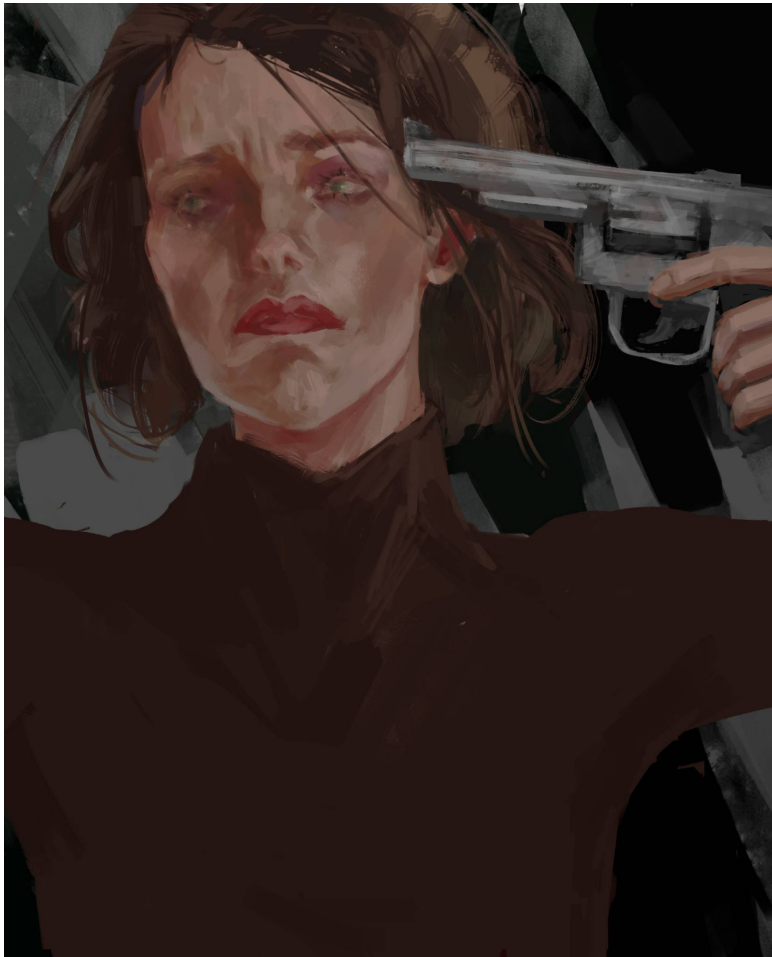
любила его: ей нравились поверхностные суждения и нелепые высказывания о незнакомых сферах жизни, сочетавшиеся с глубокими энциклопедическими знаниями, почерпнутыми из прочитанных книг – это ей казалось милым. Ему же нравилось, когда его слушали и понимали. В дальнейшем Иван Андреевич никак не мог смириться со смертью жены и переехал в Москву, в надежде найти новую работу и семью. Работу найти он сумел, а вот забыть Лару – нет. Именно из-за недомыслия, смешавшегося с горечью потери, и невероятной привязанности к образу одной, той самой, боль приглушилась и сменилась животным желанием обладать тем, чем обладать невозможно. Единственным утолением его жажды могла быть Кира, похожая на сестру, как две капли воды. И тут нет ошибки, именно утолением, ибо ни для чего другого она была ему не нужна: он с ней не разговаривал, не отдыхал и не жил вместе, лишь только иногда спал, удовлетворяя тем самым свой мучительный голод по потерянному телу любимой.

– Я опять еду к нему, а он меня совсем не любит, не любит! – Кира кричала, захлебываясь собственными слезами. – Я опять одна, одна! А знаешь, Офа, а знаешь, как хочется взять ночью трубку и позвонить, повить, рассказать, поплакать? А некому! Некому мне!

Кира перестала рыдать, но так и металась из стороны в сторону, размахивая руками, как пойманная за горло птица.

– А знаешь? Знаешь что? Я возьму и застрелюсь!

Кира с безумными глазами бросилась к своему маленькому чемодану, достала оттуда заряженный пистолет, живо поднесла его к виску и зажмурила глаза. Офа немедленно вскочила и дернула ее за руку. Прогремел выстрел, пуля врезалась в стену купе, отскочила от нее, врезалась в другую, снова отскочила, и наконец застряла в подушке. Повисла недолгая пауза.

– Вот видишь, – вполголоса проговорила Офа, – если пуля

отлетела, а ты жива, это значит, что ты не одинока, значит, ты кому-то еще нужна! – Офа выхватила пистолет и положила его к себе под подушку. – Милая, милая, Кира, – нежно продолжила она, – правда – совершенно глупая вещь, если о ней знаешь только ты, но в конце концов именно тебя она сводит с ума. Говорят, что жизнь одна, но нет, нет... Это смерть одна, а жизнью у тебя много, очень много...

Офа взяла сигарету и тихонечко закурила, нежно обняв подругу.

– Молчи, уходи, скрывайся, и не думай, что знаешь больше других, не ищи протеста, а если нашла – погаси его, не будь глупой и наивной, сливайся со стенами, не борись глаголом! И помни: твоя (на этом слове был сделан особый акцент) сестра просила тебя жить с ним. Ну вспомни, как забавно она рассказывала, что не может он быть один, ну вот такой ребенок, пусть и груб, пусть и за сорок. Но ради ее памяти так нужно. Иначе она не оставит тебя в покое, ты дышать не сможешь, ты спать не сможешь! Не сможешь, понимаешь? А к нему привыкнешь, в конце концов не такой уж он и урод – внушала Офа, продолжая курить.

– Воздуха! Мне тошно и противно быть, стоять, чувствовать его дыхание за спиной, спать с ним! Зачем, ну зачем, Офочка, я туда еду? – взмолилась Кира.

Офа посмотрела на нее недоуменно.

– А хочешь я тебе погадаю? Я же умею, моя бабка всем подружкам гадала, – спросила она, все еще дымя сигаретой.

И мигом в ее руках оказалась колода карт, выуженная из дамской сумочки, где помимо того всегда можно было найти лишнюю пачку сигарет, презервативов и маленький перочинный ножичек.

Офа разложила круг.

– В казенном доме... Король бубновый... валет... ненужные хлопоты... – и тут она взвилась, восторженно закричав: – Я же тебе говорила, смотри! Вот ты, а вот рядом с тобой король. Полюбишь его еще, говорю тебе – большая любовь впереди, карты не врут, обещанное исполняется!

Ее прервали. Стук колес затих, поезд тяжело выдохнул. По коридору заскользили туманные тени, кто-то неосторожно хлопнул дверью, и в купе вошла невысокого роста женщина с острым колющим взглядом.

Глава 2

Женщина вошла с чемоданчиком, аккуратно поставила его на пол, и, как только поезд вновь тронулся и полосы света из окна проникли в купе, Кира заметила огромный горб на спине новой спутницы. Офа же привстала, прищурила глаза и встретила вошедшую змеиным выражением лица, но, заметив значительный холм под черным пальто, испуганно вздохнула. Новенькая не обратила на это никакого внимания, лишь непринужденно распоясалась, сняла с себя мокрую одежду и села на край полки. Офа неприязненно цокнула языком. Ей не понравились ярко покрашенные тонкие губы, припудренный носик, высокие скулы, окутанные серой дымкой глаза. Женщина была красивой. Офа же красивых женщин не любила. Но одна деталь – пресловутый горб – заставила ее смягчиться и сделать по-ребячески жалостливое лицо. Переведя взор на обмякшее пальто, она заметила отсыревшую пачку сигарет, пугливо торчащую из левого кармана.

– Вы курите? Могу предложить, – Офа кинула фразу, точно дворовый мальчишка футбольный мяч на поле.

Вошедшая неловко обернулась.

– Что вы, я не курю, они не мои. Эти сигареты курит мой возлюбленный!

Последние слова она произнесла нарочито нежно, про-

тяжным мурлыкающим тоном.

– Он должен меня встретить на перроне в Москве, я к нему еду. Хотела его любимых сигарет привезти, да они все промокли. Чертов дождь! – она возвела глаза к потолку.

Офа была удивлена таким ответом. Знакомые ей правила приличия велели замолчать, но любопытство брало верх.

– Так что же он их сам себе не купит? Зачем везти из другого города?

– А таких больше нигде нет. Такие делают только у нас, на семейной фабрике. Именные! – с гордостью ответила спутница приглушенным голосом.

В речи этой дамы можно было заметить любопытную особенность: она говорила чуть слышно, произнося начало фразы быстро, а затем все медленнее и медленнее. Создавалось ощущение, что она говорит на вдохе.

Офа наклонилась и прочитала на сигаретной пачке надпись крупными буквами: «БУЛЬБУЛИТКО».

– Наша фамилия! А табак нам из самой Бразилии огромный попугай доставляет по небу. Мы его зовем Коко. Он не умеет говорить в жизни, но, когда он мне снится, он все время плачет и что-то невнятное произносит, представляете? Так ему одиноко в этом крошечном небе!

Офа заулыбалась. Бульбулитко определенно больна, и нет никакого попугая, фабрики и возлюбленного. Спутница бредит. И Офа уже было отвернулась к стенке, как в разговор вмешалась Кира.

– И вы разговариваете во сне с птицами?

Бульбулитко нисколько не удивилась вопросу. А изумление, возникшее в ее глазах, скорее было адресовано Кире.

– А вы нет?

Кира задумалась и поняла, что ничего подобного в ее снах никогда не случилось.

– Я, как только научилась управлять своими снами, так стала понимать их язык, – тихо произнесла Бульбулитко. – Наша семья фабрикантов обладает даром, мы можем смотреть сны других и приглашать близких людей в наши.

Офа снова развернулась. Она уже забыла про все на свете, безумцы привлекали ее намного сильнее, нежели отгаликивали красивые. Ей почему-то казалось, что безумие – это всегда идейность и служение своим принципам, а такие люди либо гениальны, либо абсолютно одиноки.

– Вот я со своим возлюбленным, – женщина достала из кармана фотографию красивого мужчины, в его глазах присутствовала южная искорка, а волосах застыла морская соль, – мы с ним последний раз виделись десять лет назад, а в свои сны я его каждую ночь приглашаю! Во вчерашнем он попросил приехать к нему, а до этого говорил, что пока не может меня у себя принять.

– Так он живет в Москве? – удивилась Кира.

– Что вы, что вы? – испуганно залопотала Бульбулитко. – Он бразилец. Он не знает русского, а я португальского. Мы давно уже общаемся глазами.

– Но зачем же вы едете в Москву? – спросила Офа.

– Он прислал за мной личный самолет, который уже ждет меня в аэропорту в самой северной точке города.

– Что-то я не помню в Москве северных аэропортов, – с подозрением произнесла Офа.

Тут Бульбулитко изменилась в лице, ее левая бровь поднялась полумесяцем, а в глазах словно бы рассеялась туманность. Она присела, явно готовясь к длинному рассказу. Офа снова закурила.

– Думаете, вы знаете Москву? – спросила Бульбулитко. – Нет, все это только иллюзии, вы ничего не знаете! Вы даже понятия не имеете, в какую Москву едете. Это совсем не тот город, что вы видите своими глазами. Чтобы понять его, стоит раз и навсегда запомнить, что верный ответ может находиться за пределами очевидных вариантов, и, что реальность – это лишь стена, а за ней идет настоящая жизнь! Но тогда придется провести жирную разграничительную линию, отстраниться от понятий государства, времени и пространства, заново вообразить этот город и разрушить его до последнего камня. Вы не знаете настоящую Москву!

Офа с Кирой переглянулись. У каждой возникла мысль о сумасшествии спутницы, но что-то в ней было притягательное, цепляющее с первых минут, такое, что начинало казаться: если бы истина имела голос – она говорила бы на вдохе.

– Ежели верить науке, – продолжила Бульбулитко, – то окружающая нас действительность подчинена логике, все за-

чем-то существует и на все находится нужная математическая модель, отражающая правдивость текущего момента. Говоря о городах, тем более о крупных и древних, мы должны представлять их как организмы, со своими характерами и нравами, в которых порой сочетаются самые удивительные вещи. Страх и новаторство, аскетичность и роскошь, абсурд и геометричность, но самое главное – подавленность и жизнь в сути своей – это все Москва. Сказанное относится больше к жителям этого города и к его управленцам: первым необходимо быть покорными, вторым – незаметными.

«Да, как хорошо, что эта дамочка продолжила разговор, теперь совершенно ясно – она глубоко больна. Ей давно пора лечиться», – с ужасом подумала Офа.

«Надо следить за ее руками – ножи, острые предметы. Обычно такие люди очень вспыльчивы и опасны», – предположила Кира.

– Послушайте, мы были в Москве и неоднократно, – тут же попыталась возразить она, – и то, что вы говорите... Этого всего нет!

Бульбулитко опять ничему не удивилась, видимо, это все было ей знакомо.

– Согласитесь, «нет» и «не видите» – разница огромная! – она бросилась к окну, где после небольшого перерыва небо вновь заволокло тучами. – Вы все такие скучные! Возьму и улечу сегодня на юг, северные широты определенно не по мне, здесь все вечно серое, одинаковое, снег такой мяг-

кий-мягкий, аж противно! В Москве так вообще равенство – идеология, но не в книгах, а в умах! Откуда это? Не знаю, но если ты не выделяешься – ты в толпе, с тобой большинство, а значит – ты влиятельный. Единицы могут быть сильными в одиночестве, единицы могут отличаться, пойти против всех и в конце пути оказаться правыми. Сила – в правде, да правды нет.

Офа посмотрела на Киру, в глазах той читалась растерянность. Бульбулитко продолжила.

– Я сегодня навсегда улетаю туда, где мое сердце стучит уже десять лет, в те места, где я проводила свои сны все это время. А знаете, сон – странная вещь, такая хрупкая, призрачная, но очень честная, в нем нельзя скрыться, вот ты стоишь перед зеркалом совсем голая, а на тебя отражение, как сосед в дверной глазок, гнусно посматривает.

Кира вздрогнула и невольно сжалась.

– Я расскажу, что знаю. Это, конечно, слухи, сплетни, но я сама много раз находила подтверждение услышанному, – ее глаза широко раскрылись, в них словно пробудилась некая сила, что давно спала. – Так город живет недавно, но слушайте...

За окном пролетела большая черная птица, а Бульбулитко продолжила, и вот что она рассказала.

Городом управляют пять учреждений, называемых комитетами.

Комитет тени и снов отвечает за тотальный поголовный

контроль над людьми. Очень сложно знать все о человеке, невозможно прочесть чужие мысли, нельзя поставить видеокамеры на каждом шагу, но слежка осуществима, надо всего лишь быть тем, чему вы доверяете, что никогда вас не предаст и не покидает – вашей тенью. Комитет каждому жителю Москвы ставит на шею особый штамп, влияющий на природу тени таким образом, что этот невесомый спутник человека начинает следить за любым движением своего обладателя. Город всегда и везде ярко освещен, поэтому человек, запутавшийся в своей же тени, похож на обреченную рыбу, бьющуюся в сети. Также этот комитет уделяет огромное значение снам, которые люди видят ночами. В ведомстве абсолютно уверены, и в этом они правы: все, что человек не хочет рассказать о себе сам, могут рассказать его сны. Поэтому каждый житель города обязан проходить освидетельствование в специальных пунктах комитета, где фиксируются все недавние сны человека, а также восстанавливаются недостающие их фрагменты. На основе обработанных и дополненных результатов изучения снов составляется рейтинг благонадежности человека, в зависимости от которого он может претендовать на прибавку к заработной плате или, скажем, быть выгнанным из города.

Комитет истории занимается тем, что точно определяет единственно возможную правду по принципу угодности того или иного исторического персонажа или события. А поскольку историей считается все, что случилось вплоть до ми-

нувшей секунды, и время вступает в свои права только тогда, когда заканчивается недолгое звучание слова «сейчас», то комитет занимается еще и настоящим, вычитая из него ровно одну секунду. Данное ведомство преподносит в нужном, а вернее, удобном ключе любое событие, так или иначе имевшее место в прошлом. Никто в городе не знает, что произошло на самом деле, да и возможно ли точно узнать это? Существовал ли Гагарин? Выходили ли люди в открытый космос? Правил ли когда-то Иван Грозный? Все это, возможно, и было в действительности, но кто может поручиться, кто-нибудь видел своими глазами? Наверняка и вам что-то известно всего лишь с чьих-то слов да из разговоров. Реальные факты очевидны только участникам событий, но, к сожалению, все мы смертны, и потому пришедшие на смену поколения уже ничего не знают о случившемся когда-то, их уши и разум готовы впитать и принять за истину абсолютно любую информацию. Кроме трактовки исторических событий, комитет отвечает за статистические исследования, вопросы доверия к власти, ее популярности и тому подобное. Причем, согласно подобным исследованиям, все всегда укладывалось в простую концепцию 99:1. А именно, если кто-то начинает ощущать себя той самой единицей, оппозиционной основной массе, то ощущение большинства, априори настроенного против, напрочь уничтожает волю к сопротивлению – при этом реальных цифр того «большинства» никто не знает. Ведомство четко следит за исполнением своих законов.

Предположим, кто-то из чиновников увидел вульгарность в шторах цвета бедра испуганной нимфы – тут же, в срочном порядке, принимается закон, запрещающий использование такого цвета для занавесок. И вроде бы ерунда, нельзя этот цвет – так найдется другой, но поднимается настоящая волна смятения и паники: люди, как очумелые, начинают искать в обычных шторах кто критику власти, кто пошлость и разврат, а некоторые вообще видят в них угрозу государственному строю, и таким образом количество запрещенных оттенков разом достигает десятков. И даже те, кто никогда не обращал внимания на цвет штор в витринах магазинов, теперь, проходя мимо, невольно задумываются, не опасны ли они чем-нибудь... И так до нового обострения.

С *Комитетом любви* все намного проще, ему не надо следить за потенциальными угрозами, он просто контролирует популяцию жителей города. Если дело идет к войне, ведомство срочно поднимает списки одиноких людей и объединяет их в потенциальные пары. После этого выбранным вводится особая сыворотка, вызывающая эмоции, которые в точности имитируют чувство любви. Таким образом резко сокращается время на поиск людьми подходящей пары, они заключают официальный брак уже на следующий день, переселяясь в смежные блоки-комнаты, заводят детей, и количество населения города возрастает. Если же в комитете прогнозируют в обозримом будущем нехватку пищевых, промышленных и прочих ресурсов, то вводится жесткий мора-

торий на рождаемость, и даже семьи, созданные на основе естественных чувств, без участия ведомства, не имеют права зачать и родить ребенка. С теми, кто пытался нарушить запрет, поступали крайне жестоко, обрекая на бесплодие при помощи медицинских манипуляций.

Комитет войны занимается вопросами взаимодействия с другими городами. И тут возникает логичный вопрос: почему же тогда название связано с войной? А ответ заключается в самом вопросе, поскольку другого взаимодействия и быть не может. Для поддержания спокойствия и стабильности в городе необходимо постоянно находиться в состоянии войны, ибо если есть внешний враг, то не исключено его наличие и внутри. Правда, опять же никто не знает, с кем именно город воюет, но в воздухе витает постоянное ощущение тревоги и напряженности. Ведомство содержит огромный надзорно-карательный аппарат, и иногда обществу действительно предъявляют шпионов, которых находят в детских садах, поликлиниках, школах и так далее: рядовые проступки, вроде случаев, когда повар унес котлету из столовой домой для своих детей, представляются как вражеская диверсия, направленная против жизни и здоровья всего населения. Так играют на контрастах, ведь серый цвет будет казаться почти белым на черном фоне, и черным на белом, а задний план ставьте сами.

Остальные городские вопросы регулируются *Комитетом счастья*, он занимается формированием в сознании граж-

дан чувства абсолютного и полного довольства. Делается это самыми разными способами, главное – каждый гражданин должен проникнуться чувством равенства, осознать свою сопричастность к великому будущему, быть просто счастливым человеком, пусть даже и искусственно.

Кроме упомянутых комитетов, город не имеет никаких органов самоуправления, считается, что все граждане равны, и среди равных не может быть кого-то самого главного. Есть ли президент, император, вождь или кто еще – на самом деле никто не знает, все искренне верят в отсутствие такового.

Изложив все это, Бульбулитко перевела дух и глотнула воды из стоящей на столике кружки. Офа и Кира переглянулись: если Бульбулитко все же больна, то у нее невероятно богатая фантазия для человека, потерявшего рассудок. Если же нет, а надо признать, говорила она очень убедительно, то когда это все успело произойти, ведь с последнего визита женщин в Москву прошло всего несколько лет...

– Кто это придумал? Как это случилось? – занервничала Кира.

И тут лицо спутницы впервые приняло удивленное выражение.

– Вероятно, сейчас можно утверждать, что в случившемся виноват кто-то «сверху», кто-то все ловко подстроил и рассчитал все ходы, но такие доводы будут просто-напросто полной чушью, ведь в случившемся нет других виноватых, помимо самого народа. Именно он допустил такой ход собы-

тий, именно он радостно встречал очередные абсурдные указы комитетов, он ликовал, когда находили все новых и новых шпионов, именно он и никто другой! Любое посягательство на свободу с позиции силы есть не что иное, как открытое спрашивание разрешения к этому у масс. И неважно, чья это свобода – коллеги, соседа, друга, незнакомца, – даже если сегодня пропустить их вперед, то завтра следующим станете вы. Невозможность удержания свободы в равновесии, невозможность ее становления как структуры в новом обществе, принятия ее как данности, а не как прикладного преимущества – все это стало причиной изменений в сознании населения. Свобода теперь признается страшной ложью, человек был помещен в королевство, в котором давно уже победили зеркала, где дождь и образованные им лужи стали признаками изобилия в городе, где щербатый тротуар по утрам не вникает радостно лучам восходящего солнца, а, опасаясь грядущей поступи тяжелых ног, покрывается новыми старческими морщинами. После долгих лет поиска и освобождения от оков человеку стало тесно там, где его ограничивал только воздух и за ним подглядывали только звезды, это оказалось слишком наглым и пошлым...

Черета деревень и сел за окном прекратилась, когда чей-то чеканный голос, доносящийся издали, грозно прокричал: «Остановка конечная – Москва». Офа с Кирой поспешили собраться, а загадочная госпожа Бульбулитко исчезла также неожиданно, как и появилась.

Глава 3

В черном как тушь звездном небе брезжила бледная Луна, ее слабое сияние освещало макушки заснувших неподалеку елей и массивное здание вокзала, чем-то похожего на огромную елочную игрушку. Пронзительное пламя фонарей взрывало своей яркостью темноту перрона. Суета испуганных лиц грозной тенью скользила вдоль станции и, обгоняя восточный ветер, захватывала все больше прибывших людей. В воздухе повисла хрупкая нерешительность и небо, будто бы пойманное за хвост, вздохнуло ночным холодом и разразилось мрачным осенним плачем. На и без того тесной территории распустились черные зонтики, они толкались, падали, их уносило ветром и вновь возвращало в родные руки. Повсюду стояла толчея, а неприятные звуки, доносившиеся со всех сторон, смешивались и объединялись в общий гул, похожий на паровозный гудок. Но самым ярким и звучным был окружавший станцию собачий лай, и если бы мы могли подняться в небо над вокзалом, то увидели бы зловещую картину – все входы и выходы были перекрыты людьми в погонах. Неожиданно волной пронесся ропот: «Кругом полицейские». Ширилось ощущение безнадежности, по людской глади пробежала рябь, и напуганная толпа стала взволнованно перетекать от одного края перрона к другому. Кто-то взмолился о помощи, кто-то упал, возле поезда закричал

маленький ребенок. Вдруг чей-то хриплый громоподобный голос вспорол воздух: «Тишина!» Взревел рупор, и от этого короткое слово еще несколько секунд звенело в ушах.

– Тишина! – прозвучало снова, и толпа притихла. Когда стало слышно, как тикают часы на здании вокзала, раскати-стый голос продолжил: – Согласно новому постановлению Комитета тени и снов, все, вновь прибывшие из других городов пешком, на колесах, по воде или по воздуху, доставляются в отделы комитета для прохождения освидетельствования и выдачи разрешения на нахождение в городе. Все ваше близкие проинформированы. Скоро будут машины!

Голос покряхтел еще что-то невнятное и умолк. Толпа миг-гом ожила, и в воздухе пронесся странный гул, выразивший не то страх, не то недовольство. Десятки зонтиков вновь под-нялись над головами. Какой-то высокий мужчина в коричне-вом пальто приподнялся на цыпочки, окинул взглядом пер-рон, нашел глазами массивную арку выхода, и с довольным лицом и стал живо проталкиваться в ту сторону. Вскоре за ним последовали все остальные.

Офа с Кирой только спустились с лесенки вагона, когда хриплый голос объявил о своей власти над прибывшими. Кира сильно напряглась, взъерошилась, словно еж, на ее ху-деньких руках проступили крупные вены, она поставила два больших кожаных чемодана на землю и нервно поправила чёлку. Офа же спокойно сошла на перрон, неловко зевнула, прикрыв рот рукой, и огляделась, изрядно удивившись все-

общему ажиотажу.

– Боже мой, боже мой! – завопила она. – Какой ужас, какая толпа, сколько людей! Это же просто кошмар! Как нам пройти? – кричала она все громче и громче. – Я возмущена, у меня здесь живут родственники, я должна сейчас же идти! – Офа со своим маленьким чемоданчиком начала протискиваться к выходу, увлекая за собой Киру. – Господин в погонах, вы кто, полицейский? Господин полицейский!

Офа надрывалась и двигалась вперед, ее голос становился увереннее и привлекал все больше внимания. Это продолжалось до тех пор, пока за ее спиной не выросла огромная тучная фигура мужчины с черной бородкой, маленькими, будто что-то подозревающими, глазками, и большим носом с горбинкой. Он был одет в привычный темно-синий костюм, но с эмблемой в виде двух собачьих голов на рукаве, что указывало на его статус.

– Господин полицейский, – продолжила Офа, мгновенно развернувшись к нему, – ну это же сущее безобразие и беззаконие!

Фигура никак не реагировала, молча хлопая глазами, а Офа, будто не замечая пристального к себе внимания, продолжала:

– У нас в этом городе родственники, мы к ним приехали, и нам, уж простите, совершенно некогда заниматься вашими сиюминутными приказульками, понимаете? – она уставилась своими огромными карими глазами на полицейского.

Грузная туша переступила с ноги на ногу и звучным раскатистым голосом произнесла:

– Забудьте про время, родственников и прочие условные связи, которые считали частью вашей жизни. Отныне материя здесь вы, а рубаха – город. И не вздумайте вообразить себя какой-то особенной нитью, забудьте! Чем больше вы так думаете, тем больше провоцируете, чем громче кричите, тем сильнее жаждут задавить ваш голос, как нечто мешающее тишине и спокойствию.

Офа не верила своим ушам, здесь, должно быть, какая-то ошибка. Вдруг, сзади чей-то робкий старческий голос произнес:

– Здесь все равны, но знаменателя общего нет. Запомните: там, где эталоном является похожесть, даже зеркала будут против вас, и вы увидите в них не себя, а лишь чуждое отражение, в которое захочется плюнуть – искаженную данность.

Полицейский грубо схватил Офу за руку, та от неожиданности вскрикнула и попыталась освободиться, но лишь сильнее почувствовала давление влажных пальцев жандарма.

– Что вы делаете? Отпустите! – закричала она. – Кира, Кира, помоги!

Кира, всегда быстро принимающая решения, бросилась с кулаками на фигуру полицейского, но и ее руку чуть выше локтя сжала огромная клешня блюстителя, который потащил обеих женщин к черной полицейской машине, где усадил в кузов на деревянные лавки. Дверца захлопнулась. Кира

потерла локоть, затем подняла голову и быстро осмотрелась. Рядом сидела Офа с выпученными от страха и удивления глазами, перед ней, освещенные призрачно-пепельным светом из решетчатого окошка, лежали их полураскрытые чемоданы. Женщины оказались в темном сыром пространстве, окруженном стальными стенами, с неким подобием двери в одном конце и маленькой слабой лампочкой под потолком. Кира снова потерла локоть и крепко стиснула зубы, потом вскочила, подбежала к окну и встала на цыпочки. Она просунула руку наружу, на ее ладонь упало несколько теплых капель – дождь еще шел, – затем вытянулась и прислонила к решетке лицо. Ничего не видно.

Неожиданно дверь распахнулась и внутрь зашли несколько человек с чемоданами. Среди них оказался и высокий господин в коричневом пальто, и женщина с маленьким ребенком, и еще те, что были ближе всех к выходу с перрона. За ними стоял все тот же тучный полицейский. Дверь закрылась, глухо взревел мотор, и машина тронулась с места.

Офа сидела в углу и приглаживала волосы, а Кира металась по фургону, поминутно бросая тяжелый взгляд то на подругу, то на остальных людей, которые, впрочем, также бездействовали. Машина уже несколько раз свернула: это было заметно по лучам света, пробивавшимся то прямой стеной, то косыми стрелами, а то и исчезающим совсем. Кира несколько раз подходила и к окну, но, сочтя безуспешными попытки что-нибудь подсмотреть из-за дорожной качки и

своего невысокого роста, присела на чей-то чемодан. Сидела она недолго, и вскоре подтащила чемодан под окно, уверенно встала на него и, вцепившись мертвой хваткой во влажную решетку, втиснула лицо между центральными прутьями, при этом ее виски оказались плотно сжатыми с двух сторон.

За окном безостановочно шел дождь, мелькали один за другим абсолютно одинаковые пустынные серые проспекты, потом пошли улицы поменьше и переулки, столь же одинаковые. Незначительные различия можно было усмотреть разве что в названиях улиц, да где-то высокие серые дома выглядели поновее, с них еще не сошел блеск плоских панелей на крышах, где-то постарше, и на них едва выделялись пятна приглушенно-песочного цвета. Всюду был одинаковый тротуар – огромные блоки, местами разбавленные редкими крапинкам зелени. Но главное – освещенность! Во всем городе, на каждом шагу, на каждом повороте стояли высоченные фонари, которые заливали едким желтым светом все вокруг: здания, мосты, тротуары и даже подворотни. Кира вспомнила слова Бульбулитко, брошенные как бы невзначай и вроде бы в пустоту: «Как и все в Москве, свет является столь необходимой иллюзией отступления тьмы в угоду свободе, независимости и вечному счастью. Человек, словно мотылек, готов тянуться к горящей лампочке, даже не подозревая, сколько бед сулит ее свечение, когда оно становится до боли жгучим». По коже пробежала дрожь, а в голове крутились

фрагменты разговора в купе.

Полицейская машина миновала очередной переулок и подъехала к огромному серому зданию, увенчанному скульптурой крылатой головы. Жандарм открыл дверцу и грозно крикнул:

– Выходим!

Люди зашевелились, взяли свои вещи и медленно потянулись наружу. Последними из машины вышли Офа и Кира. Полицейский недовольно запыхтел, сдвинул густые брови, и подтолкнул обеих к хвосту колонны.

Женщины оказались посреди огромной площади, куда полицейские машины доставляли прибывших в город людей. Всех высаживали и вели к главным воротам, у которых дежурили две массивные скульптуры собак, нагло выставивших напоказ свои острые клыки. У входа в здание стоял высокий человек преклонного возраста, с растрепанными седыми волосами и густыми черными бровями. Одет он был в точности как полицейский, за исключением эмблемы на рукаве – здесь она изображала все ту же крылатую голову.

На площади собралась толпа. Старик окинул взглядом людей, небрежно махнул полицейским, и дверь комитета открылась. Внутри оказалось чуть менее страшно, чем снаружи. Помещение представляло собой длинный коридор, по бокам которого в стеклянных будках сидели люди в синей униформе. Офа зацепилась взглядом за одного из молодых мужчин, сидевшего в своей прозрачной коробке и что-то

строчившего в планшет.

– Смотри, какой красавец! Красавец же, – обратилась она к Кире.

Та посмотрела в сторону, откуда не сводила глаз Офа, но тут же отвернулась и потребовала:

– Не смотри, не смотри на него!

Мужчина отвлекся и, развернувшись в своем кресле, посмотрел на вновь прибывших. Правильные черты юного лица, по-мальчишески симпатичного и приятного, были беспощадно изуродованы широченной фальшивой улыбкой, натянутой как струна между уголками губ. Этот напускной оскал не был сиюминутным проявлением эмоций, а лишь естественной и неотъемлемой частью выражения лица каждого работника комитета: вон не遠далеке прошла женщина, повернулась к группе приезжих, и ее лицо показалось лягушечьим из-за растянутых до ушей губ, за ней побежал какой-то маленький мальчик с точно такой же улыбкой, присущей здесь абсолютно всем.

Старик остановился и повернулся к группе. Он молча постоял пару минут, пригладил рукой брови, а затем глухим скрипучим голосом произнес:

– Женская комната направо, мужская налево. Пожалуйста, пройдите туда, вам необходимо сдать тесты на генетические, аллергические и прочие заболевания, а затем пройти процедуру освидетельствования. Встретимся после.

Договорив, он быстро зашагал прочь по коридору. Офа

ненадолго замерла в растерянности, но затем, схватив руку Киры, направилась в комнату, более похожую на лабиринт. По всему периметру стояли стеклянные шкафчики, внутри каждого виднелась лишь маленькая полка посередине, да еще одна, на которой лежала тоненькая игла. Офа подошла к первой попавшейся дверце, внимательно осмотрела ее и резко дернула за ручку. Дверца не поддавалась. Офа дернула еще раз, не получилось.

– Да, что же это такое? – возмутилась она. – Может, надо надавить? Кира, помоги мне! Ну же, брось чемоданы!

– Не надо давить, – послышался чей-то очень нежный голос из-за спины. – Приложите палец к замку, среагирует на отпечаток.

Офа обернулась и увидела маленькую девушку азиатской внешности, с крохотным носиком и выступающим над ним лбом.

– Простите, я тут работаю, – смущенно залепетала девушка на ломаном русском, – я помогаю, помогаю приезжим. Вы не пугайтесь. Если нужно, кладите вещи в шкаф, и возьмите иголочку, надо пальчик проколоть, а затем вернуть иглу на место. Если вы очень устали с дороги, за поворотом есть душевая.

Кира прищурилась, все здесь казалось ей невозможным, но если предположить, что это лишь сон, коим она, в отличие от Бульбулитко, управлять не могла, то лучше подчиняться появляющимся в нем персонажам. Кира открыла дверцу и

достала иголку, а Офа все еще смотрела на девушку, стесняясь. Повисла неловкая пауза.

– Что же это у вас за реальность такая, неужели все должны быть одинаковыми? – наконец задала вопрос Кира.

– Реальность? – переспросила азиатка. – Что такое реальность? Ну вообще-то ее нет, никто не знает, как она на самом деле выглядит. Вы ее ощущаете своими органами чувств, и она существует только для вас. Вот глаза говорят вам, что в городе все одинаково, но, если приглядеться, можно заметить целую кучу разных оттенков, – девушка все так же поддельно широко улыбнулась и, сделав пару шагов назад, скрылась за поворотом.

К этому времени Офа уже успела проколоть палец, немного сконфузившись при виде капельки крови, пренебрежительно бросила иглу обратно на полку, а затем поспешила искать путь к выходу, который, впрочем, оказался совсем коротким – следующая дверь налево, и женщины очутились в просторном зале с прямоугольными колоннами. В центре стоял стол, за ним сидела солидного вида дама с недовольным лицом и через силу растянутыми в непроизвольно-гадкой улыбке губами. Вокруг нее ровными стопками были сложены целые горы папок и бумаг, лежали ручки, карандаши, очки, скрепки – в этом канцелярском беззаконии она была похожа на маленькую мышь, пойманную в капкан ночного шороха. К столу через весь зал тянулась цепочка людей, пойманных в разных концах города, в глазах каждого читались

неподдельные страх и растерянность, дополненные невольными мыслями о чувстве удушья. Очередь двигалась крайне медленно, где-то наверху играла скрипка и пел мужской бархатистый голос, сердца бешено стучали.

– Следующий! – пронзительно крикнула женщина за столиком, хотя казалось, что она может только пищать.

Офа с Кирой нерешительно взяли чемоданы и быстро подошли.

Сотрудница комитета бросила на них тяжелый взгляд, в ее нарочито прищуренных глазах будто бы отражалась напряженная тревога, смешанная с горьким привкусом человеческих потерь.

– Ваши имена? – отчеканила она командным тоном, пристально всматриваясь в женщин.

Кира взглянула на Офу, та замялась, но ответила за двоих.

– Цель визита? – вопрос прозвучал как выстрел.

– Мы приехали к родственникам, вот у нее здесь муж работу нашел. Работу, понимаете? – испуганно проговорила Офа, слегка закатив глаза.

– Кем работает муж? – сухо спросила женщина, повернувшись к Кире.

Та, опустив глаза и будто бы немного стыдясь, ответила:

– Говорит, что чиновник.

Женщина отвела взгляд в сторону, с ее лица исчезла маска сосредоточенности, на секунду показалось, что промелькнула тень сочувствия.

– Повернитесь ко мне спиной, – спокойно сказала она, – я поставлю штамп города, после чего вас отвезут домой. Она достала из ящика большую печать, которая слегка светилась синим, и приложила ее к шеям женщин, оставив на них еле заметный след.

– Добро пожаловать в Москву, – она снова улыбнулась.

На выходе из здания уже ждала просторная черная машина, отлакированная и с удобными сиденьями внутри. Возле стоял совсем молодой мужчина с невыносимо печальными серыми глазами и чуть заметной щетиной на лице. Он галантно усадил женщин в салон и тронулся с места, адрес он откуда-то знал.

Опять замелькали улицы, глупые в своем одиноком унынии. Они словно утопали в пространстве, путаясь в собственных тенях. И вновь неуклюжими синими бусинками рассыпались по проспектам люди, замелькали одинаковые рисунки и витрины, деревья и клумбы. Кира устало бросила взгляд на толпу и тут же отвернулась. Офа, не отвлекаясь, смотрела в лобовое зеркало, где иногда на поворотах отражалось скуластое лицо юноши-водителя. И опять захотелось любить, очаровываться, пронзять себя насквозь, кидать восхищенные взгляды над пропастью и знать, что больше эту пропасть ничто никогда не преодолеет. Захотелось дышать осенью и забыть, что эта осень мелькает где-то за окном среди серых бетонных блоков.

Офа подкрасила губки алой помадой, которая была ей

очень к лицу. Она обожала красивых мужчин и не стеснялась это демонстрировать. Бывают разные люди: умные, но некрасивые, красивые, но глупые, бывают наделенные и умом, и красотой, либо лишенные и того, и другого. А есть такие, как Офа, у которых красота тесно граничит с пошлостью. Медового цвета кожа на хрупких плечах, четко очерченная талия, змеиная грация, изящные округлости женских прелестей – та фигура, что всегда противоречива. Все эти плечи, формы – Офа не умела их скрывать, и при этом, обладая такими необыкновенными данными, она не казалась мужчинам столь уж привлекательной. Странные фразы, полуобнаженная грудь, хищнические повадки и взгляды – все это мешало и заставляло пошлость одерживать верх над естественной природной красотой. А самое неприятное, что это понимали все, кроме нее самой.

– Вы одиноки? – спокойно спросил юноша после очередного пойманного на себе призрачного взгляда.

– Да, – тихо ответила Офа.

– Так я и думал, – последовала еще более тихая реакция.

Кира была совсем другой: закрытая, тонкая, натянутая словно струна, сосредоточенная на каждой мелочи, похожая на лабиринт, когда открываешь дверь, а за ней еще десяток. Она не привыкла быть в центре внимания, не любила пустых разговоров и новых знакомств, и чувствовала себя на удивление спокойно, закутавшись в одиночество, как в плед. Очень зажата, со множеством границ в голове, слишком правиль-

ная – Кира всегда была очень уверенной в себе, но при этом боялась резких движений и лишних шагов. Она держалась только Офы, при этом, как ни странно, совершенно не одобряя многих ее поступков.

Машина катилась дальше, Кира курила, а Офа безуспешно пыталась флиртовать с водителем.

Наконец авто остановилось возле большого серого дома, местами потемневшего от времени, с поросшей мхом крышей.

– И всегда улыбайтесь, здесь за этим следят! – посоветовал напоследок водитель и быстро скрылся из вида.

– Тебе тоже кажется, что все таксисты безумно одиноки? – спросила Офа.

Затем она нажала кнопку дверного звонка, пытаясь воссоздать в памяти черты лица юноши, которого, впрочем, через несколько минут не стало в живых – за очередным поворотом его машина на полной скорости врезалась в фонарный столб. Было ли это столкновение случайным или спровоцированным, уже никто никогда не узнает.

Глава 4

Короткий звонок, затем длинный, небольшая пауза – и

Офа порывисто стучит кулаком в деревянную дверь. Ожидание. Повторный стук. Усталость навалилась тяжелой ношей, сковав мышцы рук и ног. Снова стук. Послышались чьи-то голоса, смех да приближающиеся тяжелые шаги. Дверь приоткрылась, и в нос ударил пряный аромат корицы, показалась маленькая мужская голова. Безукоризненная лысина блестела, как надутый гелием воздушный шарик, огромный и от чего-то желтоватый лоб скалой нависал над впалыми серыми глазами, глядевшими не то устало, не то отрешенно, сухие тонкие губы нервно подергивались, а на щеках цвели красные пятна, похожие на крапивницу. Мужчина сгорбился, лениво обыскал взглядом пришедших, и молча распахнул дверь.

Офа и Кира оказались в довольно темном помещении, похожем на коридор, только почему-то очень длинный. Под потолком на медном проводе болталась крошечная лампочка, которая давала тусклый свет песочного оттенка. Рукой ее было не достать, но казалось, что она парит прямо над головой. Мужчина, одетый в тщательно выглаженный черный костюм, так и стоял у двери. Он не произнес ни слова, лишь его нижняя губа слегка подергивалась в попытке прервать молчание, пятна на щеках стали ярче, глаза покраснели и заслезились, но он сглотнул и снова сгорбился, опустив голову.

– Корней, – послышалось из дальнего конца помещения, там открылась дверь и в коридор вывалилась грузная фигу-

ра Ивана Андреевича. Он замер, достал из кармана кружевной платочек и стер выступивший на лбу пот. Его пороссячи глазки захлопали, ноздри затрепетали, а по щекам разлился румянец.

– Корней, право, ну что ты стоишь, к нам же гости приехали! – воскликнул Иван Андреевич и быстро, насколько это позволял свисавший над брюками живот, направился к женщинам.

Пока он шел, Офа пристально на него глядела, шурилась и слегка кивала, подмечая интересные детали. Мужчина был одет как-то невпопад: вроде бы каждая отдельная вещь подходила ему цветом, кроем и материалом, но вместе они никак не сочетались – маленькие кожаные туфли, широкие серые брюки с красной полосой посередине, и белая рубашка, прикрытая темным пиджачком.

– Да, да! – заигрывающим тоном обратился он к Офе. – Милая, милая Офа, позвольте поцеловать Вашу прекрасную нежную рууучку! – последнее слово он нарочито растянул, и получилось излишне слащаво.

Он плюхнулся на колени и звучно чмокнул влажными губами кисть Офы. При виде этой сцены в глазах Киры, стоявшей в тени за ее спиной, заиграл злой огонек.

– Милая, милая, Офа, как вы сегодня прекрасны! – Иван Андреевич продолжал сыпать комплиментами, будто бы припрятанными где-то в глубинах памяти как раз на такой случай. – Вы совсем не изменились, все так же чудесны и

привлекательны! – мурлыкал он, но, заметив ее пристальный взгляд, встал и продолжил: – Вы, наверное, очень устали, проходите, не стесняйтесь, здесь вас никто не тронет.

Он будто бы только сейчас заметил Киру, и сухо процедил сквозь зубы:

– И ты тоже. Проходи.

Корней, который, как оказалось, выполнял роль швейцара, помог женщинам с чемоданами. Он еще раз молча взглянул на их лица, пожевал нижнюю губу и удалился, чуть прихрамывая.

Иван Андреевич вальяжно расхаживал взад-вперед по коридору, ему нравилась роль хозяина. Он вытирал лоб платочком, аккуратно складывал его и засовывал в карман, снова доставал и убирал, облизывая толстые пунцовые губы.

– Вы проходите, – обратился он к женщинам, немного успокоившись. – Это мой дом, и только я им распоряжаюсь. С нашей последней встречи многое изменилось, я уже не какая-то мелкая сошка, связей и привилегий у меня куда как больше. Здесь вы можете чувствовать себя свободно. Эта лампочка на потолке – всего лишь иллюзия, ее нет на самом деле. Тут одни только зеркала, понимаете? Обман! Целая система отражений – это мы придумали, чтобы свет не создавал тени. Здесь вы можете дышать, – добавил он с оттенком непонятной тупой грусти.

Мужчина медленно бродил туда-сюда.

– Тут везде обман, без него никак. Если не обманываете

вы, обманывают вас, вот такая игра наперегонки. – его губы скривились в улыбке, больше похожей на насмешку над самим собой. – И это еще не самое неприятное. Тут ведь два варианта: либо вы играете с шулером по его правилам и точно проигрываете, либо придумываете свои, но игра будет другой. Вот взять, к примеру, этот дом. Снаружи-то выглядит как все прочие, таких в городе сотни и тысячи, а неееет! Я вас, конечно, удивлю, но здесь восемь комнат! Блоков-то использовано по нормам, да мы везде зеркала поставили, они расширили пространство и отразили еще несколько комнат-фантомов, дальше по коридору, вы там потом переоденетесь. Корней приготовил вам новую одежду, здесь можете ходить в ней.

Офа и Кира нервно переглянулись. Неужто и он заболел? Иван Андреевич, скучно и монотонно описывая схему квартиры, вдруг замер, приложил указательный палец к губам, прося тишины, и открыл одну из дверей.

Женщины не сразу поняли, что хлынуло в пустынный голый коридор прежде – гул звучных голосов или яркий ослепительный свет множества лампочек. А может, все сразу обдало их с головы до пят холодным морским бризом, взбудоражив застоявшуюся тишину. Гости заглянули в зал – а там все шло кувырком! Бутонами гортензий откуда-то выросли столы и стулья, огромные белые колонны задрожали и пустились в веселый танец, закружились черные фраки и белые кружева, синие костюмы и коричневые жилеты. Возник-

шая ниоткуда задорная музыка звучала все громче и громче, отдаваясь в темени барабанными ударами. На столах посреди зала расстелились огромные выглаженные скатерти, вокруг сидели картежники. Вот какой-то пожилой мужчина с аккуратным седым чубом и необыкновенно голубыми глазами радостно кинул на стол купюру, которую тут же накрыла монетой старушка в белом чепчике и фартуке. Она открыла карты, улыбнулась широченной беззубой улыбкой и, едва не запищав от восторга, сгребла деньги в глубокий карман. Показались унылые официанты, люди в каких-то странных масках, дети в карнавальных костюмах... Эти непрерывные движения и шум словно были закутаны в паутинный кокон с непроницаемой оболочкой, а царящая внутри свобода попала в нечто среднее между ловчей сетью и прочным капканом безудержности и исступления.

– Это цвет нашего города, – тихо пояснил Иван Андреевич и еле заметно прищурился, – комитетские чиновники, полицейские и прочие слуги народа – все здесь.

– Но что они тут делают? – удивленно спросила Офа.

– Милая, милая Офа, – опять растекся он, – ну что могут делать вместе кормильцы и их защитники? Есть и гулять, ну это же так просто! – Иван Андреевич ухмыльнулся. – Офочка, когда создаются территории, где правила противоречат сами себе, должны быть пространства, свободные от любых правил, и это наши дома. Здесь мы можем танцевать, петь, веселиться – делать что угодно, и никто об этом не узнает.

– Но зачем же вы придумываете такие правила? – изумилась Офа. – Да и вообще, кто все это придумал, зачем это?

– Чтобы мы могли наслаждаться жизнью, и никто бы нам не мешал. Люди в городе заняты своими делами, они ищут врагов друг в друге и борются за хлеб насущный, отнимая его у других. Ну что нам, людям просвещённым, делать в компании этих поганцев? Ну не обсуждать же в самом деле, где раздобыть кусочек хлебушка, – он громко рассмеялся, от этого смеха зазвенела посуда, и будто бы пробежала вибрация по окнам и дверям.

Затем, немного смутившись своего одиночного гогота, Иван Андреевич стыдливо потупился и пробормотал:

– Пройдемте-с, нас ждут за столиком у окна.

Женщины направились в указанную сторону. Казалось, что они хоть и находятся в одной комнате, но существуют в разных плоскостях, возможно даже перпендикулярных. Офа чуть ли не подпрыгивала от нетерпения; ее чертовски стеснял нынешний костюм, и она жаждала наконец-то переодеться во что-нибудь более удобное (конечно же, стильное и дорогое), чтобы пуститься танцевать. Стилизованные под былую моду бальные платья, пышные юбки, изысканные украшения – все это сводило Офу с ума. При виде элегантных нарядов ее глаза загорались, по телу пробегала приятная дрожь, а в ушах звенели маленькие колокольчики. Конечно, она всегда вне конкуренции, ей нет и не должно быть равных! Струящиеся волной шелковистые волосы, нежный

ласкающий взгляд, томное дыхание – она была создана для танца и изящных поз. Ее ноги, руки, шея – все жаждало движения, ритма. Неизменно стремящаяся быть в центре внимания, но вечно одинокая, такая красивая и такая легкомысленная – бедная, бедная Офа, ей чудилось, что в танцах и маскарадах она сможет найти свое счастье.

Кира, как полная противоположность подруге, не понимала ее в этом. Невысокая и худая, она и в танце двигалась не так, как все – скорее, просто нервно дергалась в такт. Танцевать-то она умела, но уж очень редко это делала. Хотя что тут говорить – она вообще нечасто посещала большие компании. Ей вполне хватало общества Офы как настоящей подруги, а скопища людей со всеми этими фальшивыми любезностями были крайне неприятны. Можно ли назвать ее грубой? Да, и такое она слышала в свой адрес. Грубая, невоспитанная, наглая, однако Кира обладала одной удивительной особенностью, несомненным следствием начитанности и остроумия – она умела одним словом, единым взглядом заставить того, кто ее оскорбил, почувствовать себя униженным и обезличенным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.